

Живых накормить

Кристоф Штелцл, 13 февраля 2010

Великая идея, несовершенная практика: Как обходится Федеративная Республика Германия с еврейскими иммигрантами из Восточной Европы

Миновал день памяти Холокоста. Значение этого дня для будущих поколений всем авторитетом своей биографии подчеркнул Шимон Перес перед Бундестагом. По всей стране с достоинством отмечали знаменательное событие XX века. При этом всем было ясно, что на вопрос "Почему?" нельзя найти окончательно удовлетворительного ответа ввиду реальности немислимого. Понятие "возмещения" в обсуждениях больше не появлялось. За последние десятилетия оно исчезло из СМИ. Нам известно, что по отношению к катастрофе Холокоста любые политические, правовые и материальные услуги должны оставаться недостаточными. Сделать так, чтобы в простейшем смысле выражения все снова стало хорошо, это никак невозможно. Однако, поняв это обстоятельство – это не позволяет освободиться от обязанности сделать все, что осуществимо по своим силам.

После катастрофического землетрясения в Лиссабоне 1 ноября 1755 португальский премьер-министр ответил на отчаянный вопрос короля, что же теперь делать: "Мертвых похоронить, живых накормить". Пусть это предложение со всей своей трезвостью послужит нам руководящим принципом при рассмотрении положения обстоятельств.

И так, начнем с погибших. После исследований французского священника Патрик Дезбоа мы знаем, что до сегодняшнего дня тысячи братских могил жертв Холокоста на территории бывшего Советского Союза ни обозначены, ни ограждены, не говоря уже об учреждении достойных мест воспоминания и скорби. Свыше 1,5 млн. восточноевропейских евреев были застрелены с 1941 по 1943 фашистскими оперативными группами в Восточной Европе и зарыты в ямах. Сегодня, спустя свыше шести десятилетий после преступлений, братские могилы убитых жертв Холокоста в Украине, Белоруссии и России даже находятся в опасности разграбления.

Ряды свидетелей, которые могут дать информации о местоположениях убийств, все редуют. Необходимо немедленно действовать, уже давно пора взяться за это дело – по возможности в сотрудничестве с восточноевропейскими государствами-правопреемниками Советского Союза – в соответствии с нашей исторической ответственностью. На днях президент Народного Союза Германии по уходу за военными могилами (*Фольксбунд*) предложил, чтобы федеральное правительство расширило компетенции его организации за могилы немецких солдат и на могилы жертв Холокоста. Реально ли это, следует рассмотреть со всей необходимой чувствительностью к исторической символике.

Как обстоит дело с ответственностью перед пережившими? А какое вообще отношение имеют немцы к восточноевропейскому еврейству? Заведующий кафедрой немецкой литературы в Еврейском университете Иерусалима, Якоб Хесинг, который родился 1944 г. ребенком восточноеврейских родителей в тайнике в одном внешнем лагере концентрационного лагеря, недавно подвел обширный итог под историю евреев в Федеративной республике Германии. Его весьма критический взгляд на германо-

еврейские отношения с 1945 по 1989 г. сводится, если уж не к счастливому концу, то к оценке с явно наполненным надеждой восклицательным знаком. Она основана на приглашении со стороны правительства Коль евреев из Советского Союза к иммиграции в Германию: "Политическим мечом федеральное правительство разбило гордиев узел, грозящего подавить германо-еврейские отношения, и тем была улажена одна моральная проблема."

Но все же, как представляется нам реальность? С 1991 г. еврейские эмигранты из бывшего Советского Союза имели возможность переселиться в Германию как "контингентные беженцы". Основой послужило принятое 9-го января 1991 г. решение Конференции министров внутренних дел по "Закону о мероприятиях по отношению к беженцам, принятым в рамках кампании по оказанию гуманитарной помощи". Одно название уже ясно указывает на то, что не были созданы новые юридические инструменты, как можно было бы ожидать ввиду уникального исторического германо-еврейского отношения. Ведь иммигрирующие восточноевропейские евреи (около 200.000) не были беженцами из районов военных действий или из зон конфликтов. Возможно, что распад Советского Союза, последующая политическая и социальная дестабилизация, также как и частично бушующий национализм в государствах-правопреемниках вызвали желание эмигрировать. Однако, в общем переселение в Германию не было "бегством". Следовательно, основным критерием для признания беженцами не стала угроза для жизни или здоровья, а вообще принадлежность к еврейству. Такое же определение было снова принято 25. марта 1997 г. в постановлении Министерства иностранных дел направленном к своим представительствам за границей. Как было намерено Хельмутом Кодем в своих пожеланиях, иммигранты повысили число членов еврейских общин в Германии уже до 2003-го года с 29089 в 1990-м году до 102472 в 2003-м году.

Смотря издали, можно решить, что дела продвигаются неплохо. При точном рассмотрении в глаза бросаются нелепости и несправедливость. Все они вызваны тем политическим упущением, что не был создан для такой великолепной идеи прочный юридический фундамент, а вместо того в основу решения этого вопроса положили применение административных предписаний, которые были созданы для совсем иных целей.

Начнем с пережившими жертвами Холокоста. Бывшие узники концентрационных лагерей и гетто составляют лишь маленькую долю среди 200000 иммигрантов. Вопреки всем ожиданиям они не имеют законодательно установленного статуса "лиц, преследовавшихся при национал-социализме". Поэтому они также не получают пенсию для жертв национал-социализма, а находятся в финансовой зависимости от социальной помощи в виде *Grundsicherung im Alter*. Кому известны подробности, понимает, какие чувствительные убытки и даже постыдные ограничения влечет за собой такой статус. В отличие от пенсии социальная помощь не является устойчивым, постоянным социальным обеспечением, а ограниченным по сроку на 1 год. Ежегодно требуется подача нового заявления и его рассмотрение социальной службой. Социальная помощь не позволяет накапливать денежные средства сверх установленной небольшой суммы; даже если эти совсем небольшие средства получены от *Jewish Claims Conference*. Далее, она не позволяет иметь побочные заработки или собственность и таким образом, приговаривает жертв Холокоста быть нищими и ставит их под постоянный контроль социального ведомства до самых интимных условий жизни. Совершенно ясно, что данная административная практика – которая была выработана для совсем иного контингента – не может не иметь очень неприятную символику для бывших узников концентрационных лагерей и гетто. Александр Попов, представитель "Всегерманской ассоциации переживших Холокост – иммигрантов из постсоветских государств", в 2009 г. правильно потребовал, что "жертвы

Холокоста – иммигранты в соответствии с морально-политической ответственностью ФРГ заслуживают того, чтобы им была обеспечена возможность достойной жизни на склоне лет без унижительных ограничений их прав и свобод."

Как обстоит дело с социальной судьбой последующих поколений? Германские административные органы своим поведением скорее препятствовали чем способствовали признанию школьного образования и академических званий, и тем самым создали крупный барьер для интеграции. То обстоятельство, что высококвалифицированные лица до сих пор вынуждены работать подсобными рабочими или становятся получателями пособия "Харц-4", дает довольно плохой отзыв о транспарентности нашей системы образования и профессиональной подготовки. В Советском Союзе существовала замечательная академическая система обучения. Ведь стоило бы труда, оценить потенциал советских профессионалов без предрассудков и смело сопоставить экзамены с германскими окончаниями высших учебных заведений и высших профессиональных училищ. Несмотря на все препятствия, некоторым энергичным иммигрантам все-таки удалось найти работу по своей специальности. К сожалению, во многих семьях поколение родителей осталось безработным – зато оно с большим энтузиазмом заботится о квалифицированном образовании своих детей.

Однако, бедность не единственная трудность на пути интеграции в германское общество. Речь идет об историческо-политической непоследовательности, что заодно с приглашением пост-советских евреев к переселению не было осуществлено быстрое, несложное приобретение гражданства Германии независимо от критерия экономической самостоятельности. Какой смысл имеет навязывание фактическим согражданам паспортной лояльности к постсоветским нациям после того, как они демонстративно покинули их, просто непостижимо для исторически сознательного человека. Ведь чему учит нас более древняя германо-еврейская история? За два столетия до фашистского преследования евреев и Холокоста существовало постоянное миграционное движение евреев с востока на запад. Эмигранты из Одессы, Лемберга, Черновцах или из маленьких еврейских местечек славянских государств, невредимо переселившись в Германию, в основном очень скоро ассимилировались в смысле знания языка и культурной жизни. Языковая близость между идишем и немецким при этом оказалась полезной, а также интеллектуальное обучение на обязательных для всех еврейских детей уроках религии.

Еврейские семьи по традиции всегда "вкладывали" очень много в образование последующего поколения. Высокомотивированные и профессионально квалифицированные или готовые к дополнительной квалификации восточноевропейские евреи часто уже в поколении мигрантов, но не позже второго миграционного поколения становились успешными гражданами Германской Империи. Появилось даже выражение "еврейское чудо образования". Любой взгляд на культурную историю Германии доказывает, что евреи в Германии, кажется, еще сильнее идентифицировались с немецкой культурой и немецким языком чем остальное население в среднем. Не только в сфере экономики, а особенно в области культуры (науки, издательское дело, литература, пресса, средства массовой информации) евреи сыграли выдающуюся роль, далеко превышающую относительную долю в отношении всего населения.

Прошлое – это зеркало будущего: Все, что способствует скорому включению еврейских иммигрантов в общество Германии, а также немедленному признанию их квалификаций, принесет жизненную пользу для германского "общества знаний". Всерьез, непредставимо, что Германия заинтересована в том, чтобы здесь поселившиеся еврейские граждане не могли пройти через дверь, которую им открыли лишь наполовину. Наше желание – это цветущие еврейские общины состоящие из граждан Германии, которые на сто процентов

идентифицируются со своей новой родиной, ведь она – страна неограниченных возможностей, оплот справедливости и исторической морали действующей и в административных повседневных вопросах. Чтобы эта мечта воплотилась, Федеративной республике необходимо доделать свои домашние задания. Пусть она совершит это как можно скорее, и пусть ее сопровождает то меткое высказывание португальского премьер-министра после землетрясения в Лиссабоне в 1775 году, в котором так ясно проявляется практическая гуманность.